

Памяти архимандрита
Даниила (Воронина)

Отогревать сердца людей

В январе прошлого года отошел ко Господу архимандрит Даниил (Воронин), один из первых насельников вновь открывшегося Данилова монастыря после его закрытия в октябре 1930 года. В течение 30 лет отец Даниил был духовником обители, но окормлял не только братию монастыря — он был духовным отцом для многих и многих людей со всех концов страны и даже мира. Среди них — Марина Степанова, ближайшая помощница отца Даниила в последние десять лет его жизни. Мы попросили ее рассказать о встречах и беседах с отцом Даниилом, воспоминания о которых ей особенно дороги.

Это было 18 лет тому назад. В моей жизни наступил период, когда возникла потребность в духовном отце. Как-то меня пригласили на встречу с протоиереем Димитрием Дудко, на которой задала ему вопрос: «Батюшка, как найти духовного отца?»

На что он ответил: «Да, деточка, они на дороге не валяются...»

Искать долго мне не пришлось, так как моя родная тетя к тому времени уже давно имела такового духовного отца — архимандрита Даниила.

Первая встреча с батюшкой случилась в июле 2002 года. Этот год был первым годом моих трудов в Отделе внешних церковных связей. В обеденное время, прогуливаясь по монастырю, у братского корпуса увидела скопление народа, что являлось неременным атрибутом нашего дорогого батюшки, чуть поодаль стоял он — среднего роста, крепкого телосложения, стоял и внимательно слушал какого-то человека. Наблюдая, как и все остальные, за их беседой в ожидании ее окончания, периодически останаливала взгляд на батюшке, на том, как он общался с этим человеком: даже издали

чувствовалось мирное устроение его души, иногда добрая и нежная улыбка появлялась на лице, какая-то особенная стать проявлялась во всем его существе. Длилась эта беседа более двадцати минут, у меня заканчивалось обеденное время, и в конце едва успела к нему подойти: «Батюшка, благословите! Мне очень нужно с Вами поговорить, в любой день, в который скажете».

«Приходи сегодня к четырем часам в братский предел в Святых отцах», — тут же ответил он.

Разговор наш длился около часа. За это время в притворе собрался народ, спустя некоторое время до моего слуха стал доноситься ропот томящихся за дверью, но батюшка не обращал на это никакого внимания. Он слушал меня внимательно, иногда задавал вопросы и коротко отвечал на мои, и отвечал он так уверенно, что у меня не возникало никакого сомнения, что в его ответах может быть что-то неправильно, для меня все сказанное им явилось непререкаемой истиной. И это на меня произвело большое впечатление.

Почему мне так запомнилась первая встреча? Знаете, мы ведь, как правило, не умеем ➡

слушать, а батюшка слушал каждое слово, расспрашивал, вникал в ситуацию таким образом, как будто бы он проживал ее за меня. Достаточно часто во время разговора он закрывал глаза, и было件нятно, что в этот момент он усиленно молится.

После этой встречи начала ходить к отцу Даниилу за советом, благословением, но на исповедь попасть к нему не получалось. Он в основном в то время исповедовал в субботу после всенощного бдения, вначале братию и мужчин, потом — женщин. Очередь занимали, уже начиная с трех-четырех часов дня, а исповедь начиналась около десяти вечера и длилась зачастую до первого часа ночи. Мне такой подвиг тогда был не под силу.

Постепенно все налаживалось. Вначале сама спросила как-то: «Батюшка, можно к Вам на исповедь прийти?» — «Священников-то в монастыре много, к любому можно прийти». Нет, думаю, после той первой встречи, которая произвела на меня незабываемое впечатление, от него уже невозможно было отойти, потому что к нему было абсолютное доверие, а это главное в отношениях с духовным отцом. Спустя некоторое время, может быть, прошло полгода, когда уже регулярно у него исповедовалась, меня стал мучить вопрос, являюсь ли его духовным чадом. Напрямую спросить не решалась, искренне считала себя недостойной, да и сейчас для меня является глубоким недоумением, что именно мне пришлось быть рядом с ним в последние десять лет его жизни, в последние месяцы и уходящие дни. И вдруг он сам в какой-то момент на исповеди дает мне некие наставления и заканчивает их фразой: «Вот так и поступай, чадушко мое...» Словно мысли мои прочитал. После этого для меня начался новый период во взаимоотношениях с духовным отцом.

Но уже непосредственно близким его помощником, секретарем, как он называл меня иногда, стала в последние десять лет его жизни, чему положила начало наша первая деловая поездка в Рим. После этой поездки меня батюшка и стал называть секретарем. Во всяком случае, даже в госпитале, когда его спрашивали при оформлении документов: «Кем вам приходится эта женщина?» — он называл меня в трех лицах: «Это мой секретарь, ближайшая помощница и духовное чадо».

Вообще, отец Даниил был особенным человеком, и тот, кто хоть раз с ним встречался, запоминал его на всю жизнь. Особенным он был в необычайной кротости, мудрости и любви. Любви к человеку, как к образу Божьему, и поэтому рядом с ним таяли льды даже самых жестоких сердец. Мудрость его была в простоте. Одно время приснопамятный Святейший Патриарх Алексий II часто вызывал его в Богоявленский собор для проповеди. Ныне покойный протопресвитер Матфей Стаднюк

как-то сказал батюшке: «Святейшему Патриарху нравятся Ваши проповеди. В них простота богословия. Всем все件нятно».

Только для батюшки это было бременем тяжким. Он искренне считал себя «бестолковеньким и никудышным».

Кротким он был со всеми, у него совершенно не было лицепрятия, ему было все равно, с кем говорить — с министром или бабушкой-пензионеркой. Бабушек он любил больше всех на свете, говорил, что на них Церковь выстояла в годы гонений. Мудростью своей бабы Наталии, как он сам ее называл, восхищался каждый раз, вспоминая ее замысловатые выражения.

У него духовно окормлялись совершенно разные по социальному и образовательному статусу люди, среди которых были генералы, актеры, художники, музыканты, врачи, священники, игумены и его любимые бабушки... Со всеми он был почителен и внимателен. Были, конечно, среди духовных чад или тех, кто себя считал таковыми, люди по своему душевному устройению, скажем так, с непростым характером. Он их не отвергал, говорил в ответ на мой ропот в отношении поступков этих людей, что надо всех терпеть, кого Бог послал: «Терпи! Они хотят быть на твоём месте, а ты терпи...»

Еще одна примечательная особенность его души — долготерпение. Воистину, как на Руси говорили: по имени твоему и житие твое. Он в своем иноческом житии подражал своему небесному покровителю — преподобному Даниилу Столпнику: «терпения столп был еси» и смирения столп...

Сколько он вытерпел от разных людей горя, поношения и скорбей, Бог ведаёт, мне известно об этом лишь отчасти. У него было не просто терпение, а долготерпение. Господь посылал ему очень тяжелых людей для исправления, и, как правило, они исправлялись, но не все, к сожалению. Ему и на больничном одре пришлось «с помощью» некоторых испытать «желчь и оцет» до последнего вздоха. Епитимии батюшка практически никому не давал, был один беспрецедентный случай, происшедший незадолго до его болезни, но в целом он врачевал наши недуги своей отеческой любовью и молитвой.

Батюшка на ногах, так что этого никто не знал, перенес три инфаркта. Последний случился, что выяснилось при обследовании, в июне месяце. Уже в последние дни его жизни врачи мне говорили: «Его сердце сейчас размером во всю грудную клетку».

У него было в прямом смысле слова огромное сердце, в нем никому не было тесно. Конечно, многим хотелось быть ближе, и поэтому случалось много распрей и ссор, что для его сердца было болезненно мучительно.

После богослужения его всегда кто-то ждал: под сосной, у окна, в палатке с пирожком и чашкой чая, на лестнице... До кельи он шел часами. А в праздники от трапезной до братского корпуса его сопровождала толпа людей.

Дождь, снег, град — неважно: отец Даниил под крышу встанет или в домик зайдет, но никого не отвергал: «Надо, чтобы люди домой утешенными ушли».

Вот и в нашу первую римскую поездку его духовное чадо отец Филипп (Васильцев), который в то время нес свое священническое послушание в храме вмч. Екатерины, заранее объявил, что приезжает архимандрит Даниил, духовник Данилова монастыря, и люди собрались, исповедь затянулась за полночь, мне все это оказалось в тягость, роптала, переживая, конечно, за батюшку, ведь мы прилетели в Рим 19 января, после таких праздничных и многих трудных дней. Батюшка после исповеди подошел ко мне и с улыбкой сказал: «Не ропщи на свою незавидную долю».

Потом он мне не раз это повторял.

Батюшка никогда не посягал на свободную волю человека. Бывало просит, говорит, объясняет, как надо поступить, словно нянчится.

Если не слушались его, у него обычно был один ответ: «Ну, делай, как знаешь». Местомое «я» не было в его обиходе. Не хочется мне выполнять какое-то его предписание, он только скажет:

— Это что еще за капризы. Надо что сделать?

— Что?

— Что скажет отец архимандрит...

Отец Даниил обладал уникальным свойством души — он никогда не раздражался. Он умел владеть собой. До машины его провожали, на лестнице окружали, даже когда мы уез-

жали в больницу и он едва шел, ему не давали прохода. И он при всех этих обстоятельствах оставался ровным и спокойным. И меня этому учил — не раздражаться и не подавать вида, что у тебя какие-то неприятности или скорби, обычно приводя в пример какие-либо образы: «Придворные не должны знать, о чем плачет королева».

Батюшка жил вне времени, он его просто не ощущал. Он на земле уже жил в вечности. Он уставал, болел, скорбел и радовался, но в общении с людьми его не чувствовал. «В тебе, душа моя, измеряю я время», — так зачастую подшучивала над ним словами блаженного Августина, когда приходилось ждать его по часу, два и более.

«Через полчаса буду, жди».

Жду полчаса, час, два...

— Батюшка, ну где же вы были?

— Да дедушка один приходил.

— Что же вы с ним так долго говорили?

— Да, говорили. Он воевал, сейчас один остался, надо было с ним побыть, сердце его отогреть.

Такая у батюшки была особая миссия на земле — отогревать сердца людей. За этим к нему и ехали — знали, что отец Даниил выслушает, не укорит, не осудит, утешит. Любовь, о которой он так часто говорил нам в своих проповедях словами апостола Павла, изливалась из сердца его чрез уста, чрез глаза, чрез улыбку, и люди ее чувствовали и не хотели уходить от него, по несколько раз в день подходили под ➔

благословение. Он из-за постоянного наплыва ожидающих, бывало, на службы опаздывал. Сколько раз случилось: по ступенькам поднимается, а его слева, справа и спереди окружают, в храм не дают пройти, на облачение наступают, он поправит мантию, снова идет...

Вся православная Москва его знала. И не только Москва, где бы он ни побывал, отовсюду стремились к нему приехать. Из Рима, из Болгарии, с Афона...

Однажды на праздник Преображения батюшка после ранней литургии, взяв с собой Дары, поехал на один из московских вокзалов утешить бездомного человека. Эта история будет подробно описана в будущей книге воспоминаний духовных чад о батюшке непосредственным участником события, сейчас скажу кратко. Батюшка встал перед ним на колени, потому что тот человек не мог уже сидеть, он лежал, а батюшка долго его исповедовал, потом причастил Святыми Тайнами. Вечером этого дня тот человек отошел в мир иной, и батюшка до последнего поминал его на проскомидии.

Времени для отдыха у батюшки совершенно не было. Он, бывало, после полунощницы и ранней литургии даже в келью не возвращался: в шесть утра в храм приходил и только в час уходил на трапезу.

И при всем этом «веригами не гремел», а ходил ангельским стопами, поэтому многим было не понять, почему за ним толпы народа бегают. Люди больше привыкли веригам верить, не понимая того, что в столичном монастыре исполнять свои монашеские обеты несравненно тяжелее, нежели носить вериги в отдаленном скиту, а тем паче быть духовником обители и многочисленных духовных чад. Один мой знакомый, сейчас он иеромонах, когда искал духовного отца, меня спрашивал про батюшку: «Что все за ним бегают, что в нем нашли? Обычный он, как и все».

Мне почему-то после этих слов вспомнилось, как один епископ приехал на Афон и просил некоего монаха, который знал преподобного Силуана при жизни, рассказать о нем. На что тот монах ответил: «Да какой он святой, я с ним чай пил...»

Речь у отца Даниила была простая и мудрая! Хоть он и считал себя «лаптем деревенским», неискусным в книжном учении, но, как нам всем известно, благодать Божия не в мудрости человеческой живет, а там, где есть смиренномудрие, которым батюшка обладал. И мне казалось, что у него даже и борьбы никакой не было, что он наследовал эту величайшую добродетель.

Как-то сказала ему: «Батюшка, Вам легко быть смиренным, потому что Вы таким уже родились».

Он в ответ только заулыбался, но затем сказал: «Меня в детстве мама с папой никогда не наказывали, наверное, не за что было...»

У меня намечалась длительная командировка в Страсбург. Ехать очень не хотелось, хотя в Страсбурге была интересная работа, и мой руководитель весьма незаурядный, талантливый человек. Все располагало к поездке, но тяжело было пережить расставание с батюшкой на полгода. Не хотела, хотя и чувствовала, что ехать надо, и всю ответственность за свое нехотение возложила на духовного отца. Батюшка молился. И вот по окончании первой недели Великого поста он сказал кротко, с некой осторожностью: «Знаешь, молился и понял, что тебе надо ехать».

Эта поездка оказалась очень плодотворной. Даже и представить не могла, что там произойдут события, которые принесут кардинальные перемены к лучшему.

— Хорошо, батюшка, поеду, но с одним условием.

— С каким?

— Если вы научитесь разговаривать по скайпу.

— Ну что ж с вами делать, буду учиться.

Так мы с ним полгода и общались — то по телефону, то по скайпу раз в неделю. Он всегда был готов выполнить любое условие, чтобы только его чадо исполнило волю Божию.

Были у батюшки очень тяжелые периоды в жизни — три инфаркта просто так не случаются. Как-то в один из таких периодов поехал он за ответами на свои вопросы к отцу Иоанну (Крестьянкину). Приехал в Печоры, но, поскольку был человеком чрезвычайно деликатным и скромным, никому не сообщил, что он духовник Данилова монастыря. Он сам об этом так рассказывал: «Пришел в монастырь, после службы решил подождать отца Иоанна. Гляжу, передвигается, как туча, толпа народа, а в центре ее батюшка, и мне к нему не подступиться. Стою в сторонке. Вдруг слышу, отец Иоанн, проходя мимо, стал что-то громко говорить, обращаясь к кому-то в этой толпе. И в этих словах были ответы на мои вопросы».

Батюшка был счастлив, хотя ему даже не удалось подойти под благословение. Для меня это поразительный пример. Ведь как обычно бывает? Приезжает, скажем, игумен или архимандрит к старцу, или просто чей-то знакомый, и для них двери открываются сами собой. А отец Даниил стоял в сторонке и слушал, что Господь ему через отца Иоанна ответит: «Вот так получил утешение, поблагодарил Бога, поклонился и уехал к себе в монастырь».

Искренне верю, что батюшка является украшением не только обители святого благоверного князя Даниила Московского и мира земного, но стал и украшением Царствия Небесного. Благодарю Бога за моего духовного отца, который, по слову святителя Феофана Вышенского, явился для меня лично *живым действующим* Евангелием. **Ф.**

